

Ж.Н. Шайгозова*¹, **А.Р. Хазбулатов²**, **А.Б. Наурзбаева³**

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан, г. Алматы

²Казахский научно-исследовательский институт культуры, Казахстан, г. Алматы

³Казахская национальная консерватория им. Курмангазы, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: zanna_73@mail.ru

ДВЕРЬ ЮРТЫ КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА И КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Юрта как модель мироздания и символическое пространство традиционного тюрко-монгольского жилища выступает объектом множества научных исследований. Однако менее изученными остаются отдельные ее элементы. В частности, это касается одной из ключевых деталей конструкции юрты – двери.

Как известно, символическое пространство юрты представляет собой систему кодов, моделируемых различными проекциями социокультурного опыта, что позволяет раскрыть и семантику ее структурных элементов, в частности двери, представляющей собой семиотически целостный объект. Не только сама дверь и ее конструктивные элементы являются структурами сакрально означенной системы юрты, но также материал и технологии изготовления двери, ее декор, правила установки и др., что обусловлено системной связью с некоторыми традиционными табу, суевериями, обрядами и обычаями.

Тем самым, можно полагать, что материально-пластическая основа двери юрты и ее конструктивные элементы, представляя собой целостный художественный образ, сообразный эстетической картине мира кочевых тюрко-монгольских народов, в то же время являются структурными компонентами ритуально-обрядовой культуры.

В настоящей статье предпринята попытка исследования двери юрты как знаковой системы и культурного кода на материале тюркско-монгольских народов (казахов, тувинцев, кыргызов и других).

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан АР09259280 «Языки казахской культуры как основа этнической идентичности: семиотика и семантика».

Ключевые слова: дверь, юрта, тюркско-монгольская культура, семантика, символика.

Zh. N. Shaigozova^{1*}, A.R. Khazbulatov², A.B. Naurzbayeva³

¹Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty

²Kazakh Research Institute of Culture, Kazakhstan, Almaty

³Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: zanna_73@mail.ru

The door of the yurt as a sign system and cultural code

Yurt as a model of the universe and the symbolic space of the traditional Turkic-Mongolian dwelling is the object of many scientific studies. However, some of its elements are less studied. In particular, the key details of the yurt - the door.

It is known that the space symbolic of a yurt is a system of codes constructed by various sociocultural experience, which makes it possible to show the semantics of its structural elements. For example, the door, which is a whole semiotically object. Not only the door and its structural elements are the structures of the sacred system of the yurt, but also the material and production techniques of the door, its decor, installation rules, etc., due to connection with some traditional taboos, superstitions, rituals and customs.

It can be assumed that the material and plastic basis of the yurt's door and its structural elements, representing a holistic artistic image, consistent with the aesthetic picture of the nomadic Turkic-Mongolian people's world, at the same time are the structural components of the ritual and ceremonial culture.

In this article we tried to study the door of the yurt as a symbolic system and cultural code, based on the Turkic-Mongolian culture (Kazakhs, Tuvans, Kyrgyz and others).

The article was prepared within the project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan АР09259280 "Languages of Kazakh culture as the basis of ethnic identity: semiotics and semantics".

Key words: door, yurt, Turkic-Mongolian culture, semantics, symbolism.

Ж.Н. Шайгозова^{1*}, А.Р. Хазбулатов², А.Б. Наурызбаева³

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, Қазақстан, Алматы қ.

³Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: zanna_73@mail.ru

Киіз үйдің есігі белгі жүйесі және мәдени код ретінде

Киіз үй ғаламның үлгісі және дәстүрлі түркі-моңғол тұрғын үйінің символдық кеңістігі ретінде көптеген ғылыми зерттеулердің объектісі болып табылады. Алайда оның жеке элементтері аз зерттелген. Атап айтқанда, бұл киіз үй конструкциясының негізгі бөлшектерінің бірі – есікке қатысты.

Өздеріңіз білетіндей, киіз үйдің символдық кеңістігі әлеуметтік-мәдени тәжірибенің әртүрлі проекцияларымен модельденген кодтар жүйесі болып табылады, бұл оның құрылымдық элементтерінің семантикасын, атап айтқанда, семиотикалық тұтас объект – есікті ашуға мүмкіндік береді. Есіктің өзі және оның құрылымдық элементтері киіз үйдің қасиетті жүйесінің құрылымы ғана емес, сонымен қатар есіктің материалы мен технологиясы, оның безендірілуі, орнату ережелері және кейбір дәстүрлі ырым-тыйымдармен, наным-сенімдермен, салт-дәстүрлермен, т.б. жүйелі байланыстармен негізделген.

Осылайша, киіз үй есігінің материалдық-пластикалық негізі және оның құрылымдық элементтері көшпелі түркі-моңғол халықтары әлемінің эстетикалық бейнесіне сәйкес келетін тұтас көркемдік бейнені білдіре отырып, сонымен бірге салттық-ғұрыптық мәдениеттің құрылымдық компоненттері болып табылады деп болжауға болады.

Осы мақалада киіз үйдің есігін түркі-моңғол халықтарының (қазақтар, тувалықтар, қырғыздар және т.б.) материалдары негізінде белгі жүйесі және мәдени код ретінде зерттеуге әрекет жасалды.

Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің АР09259280 «Қазақ мәдениетінің тілдері этникалық сәйкестіліктің негізі ретінде: семиотика және семантика» жобасы аясында дайындалған.

Түйін сөздер: есік, киіз үй, түркі-моңғол мәдениеті, семантика, символика.

Введение

Традиционный дом в любом его воплощении: деревянном, каменном или войлочном, представляет собой один из символически сложных элементов культуры, концептуально наполненный мифологически вселенским смыслом. Дом выступает и как модель мира, и как сакральное пространство, и как эстетическая картина бытия мира и человека.

Семантика дома как целостного объекта на примере традиционных культур была изучена М. Элиаде (Элиаде 2000), А. Байбуриным (Байбурин 1983), М.Ю. Лотманом (Лотман 1996), Г. Башляр (Башляр 2004), Т.В. Цивьян (Цивьян 1978) и рядом других исследователей, раскрывших космогонические представления о доме как Центре Вселенной.

Исследованию юрты, изучению ее типологических особенностей и других аспектов посвящено немало научных публикаций. Актуальными для настоящего исследования оказались труды Н.Ж. Шахановой (Шаханова 1998; 2004), рассмотревшей юрту в семиотическом ключе; ряд работ известного тувинского ученого С.И. Вайнштейна (Вайнштейн 1973; 1991 и другие),

где подробно рассматривается тувинская юрта, ее генезис, семантика и др.; А. Толеубаева (Толеубаев 2000), исследовавшего верования и обряды казахов, связанные с юртой; С.Ч. Донгак (Донгак 2012), рассматривающего миропонимание тувинцев, также связанное с юртой, а также М.С. Байыр-олла (Байыр-олл 2013), изучающего роль юрты в тувинской культуре. Эти же аспекты на примере туркменской юрты были изучены А. Оразовым и Д. Чарыевым (Оразов, Чарыев 2000), обряды и верования каракалпаков, связанные с юртой, рассматривает Х. Есбергенов (Есбергенов 2000), семантику двери и околodверного пространства юрты на примере культурных традиций монголоязычных народов было изучено М.М. Содномпиловой (Содномпилова 2002).

Все многообразие работ, посвященных изучению юрты, между тем, обошло вниманием исследование двери юрты как знаковой системы в структурной целостности ее конструктивных элементов. Это, в свою очередь, ограничивает возможность проводить полноценный сравнительный анализ двери юрты на тюрко-монгольском материале.

Поэтому цель настоящей работы – исследование двери юрты как знаковой системы и куль-

турного кода в сравнительном аспекте на материале традиционной культуры тюрко-монгольских народов. В исследовании понятие «дверь» представлено как целостное единство всех конструктивных элементов юрты (порог, притолока и косяки).

Материалы и методы

Методология исследования вытекает из поставленных задач и ориентирована на семиотический, структурно-функциональный и сравнительный подходы. Дверь юрты рассматривается как сакральная составляющая дома, материально-пластическое содержание которой представляет собой художественную ценность эстетико-символических традиций того или иного этноса, и одновременно как знаковая система, хранящая культурный код тюрко-монгольской культуры. Для осмысления семантики кода этого артефакта большое значение имеет понимание целостности конструктивных, функциональных, этнографических, символических и других аспектов его рассмотрения. Исследование опирается на так называемые «ядерные» семиотические системы культуры тюрко-монгольских кочевых народов: тенгрианская модель мира, космологические мифы и их сакральные, и в целом устойчивые этнические принципы кодирования пространства и времени.

Целостное «прочтение» семиотики двери юрты невозможно без понимания связанности ее смыслов с традиционными табу, суевериями, обрядами и обычаями.

Материалом изучения выступили полевые исследования авторов статьи, во время посещения этнографической выставки частной коллекции С. Баширова (2021 г.), фондов Российского этнографического музея (2019-2021 гг.), ряда краеведческих музеев Казахстана, выставки ЭКСПО 2017 в г. Нур-Султан. А также онлайн-изучение экспозиции «Мир тувинцев: быт, традиции и культура» Национального музея Республика Тыва им. Алдан-Мадыр (г. Кызыл).

Основная часть

Традиционно изготовлением юрты, включая двери и ее конструктивные элементы, занимаются народные мастера. Их деятельность, выражаясь словами М. Элиаде, «имеет своим прототипом космогонию. Сотворение Мира становится архетипом всякой созидательной дея-

тельности человека, в каком бы плане она не разворачивалась» (Элиаде 2000, 36). Тому подтверждение – бытующее у кыргызских мастеров выражение: «прежде всего, душу у дерева пойми и откроются тебе всего его тайны» (Алымбаева 2000, 93). Об архаических представлениях жилища тувинцев как модели мира отмечено у С.И. Вайнштейна, где автор отмечает, что юрта и чум – это жилище не только людей, но и различных мифологических персонажей, находящихся в Среднем (Светлом), Верхнем и Нижнем мирах (Вайнштейн 1991, 93)¹.

В основу материально-пластической конструкции юрты, состоящей из трех частей: решетчатый остов – у тувинцев, называемый *хана*², а у казахов *кереге*; жерди, подпирающие верхний круг – тувинское *ынаалар* и казахское *уык*, а также верхний круг – тувинское *хараача* и казахское *шанырак* положена древнейшая космологическая модель (Шаханова 1998; 2004).

Юрта в вертикальном пространственном измерении предстает как трехчастная структура Высшего, Среднего и Нижнего миров, что соответствует космологическим представлениям о трех уровнях Мироздания, основанных на вертикальной модели мира Тенгрианства. Подобным образом и дверь юрты с ее конструктивными элементами представляет собой эстетически преобразованную семиотическую проекцию этой трехчастной вертикали: притолока может быть соотнесена с Верхним миром, дверь и боковые стенки дверной рамы – со Средним, порог – с Нижним миром. В пользу этого прочтения говорит и то, что каждый элемент двери декорируется специфическим образом, т.е. языком знаков определенной локальной зоны того или иного ритуала, символически соответствующего своему пространственному миру.

Начнем исследование каждого элемента двери, начиная с притолоки. Среди тюрко-монгольских народов рельефнее всего космологическое значение притолоки – конструктивного элемента двери (верхний брус дверного проема) – сохранилось у монголоязычных народов. М.М. Содномпилова (Содномпилова 2002, 108) отмечает, что притолока ассоциировалась с Небом, о чем свидетельствует наименование духа-охранителя дверей *уудэн тэнгэри*, который, по

¹ Гораздо больше сведений зафиксировано о членении жилого пространства тувинской юрты в соответствии с названиями двенадцатилетнего животного цикла.

² Все термины представлены в русской транскрипции.

представлению этих народов, обитал на притолоке. Ему жертвовали в определенные дни молоко, которое оставалось на притолоке в чашке до полного его высыхания. О сакральности притолоки двери юрты говорит и ее традиционное казахское название – *мандайша* (от слова мандай – лоб), в котором усматриваются метафорическое осмысление антропологически означенного кода, где голова/лоб также соотносятся с Высшим миром. Можно полагать, что подобное кодирование характерно для тувинской традиции. С.И. Вайнштейн (Вайнштейн 1991, 30), ссылаясь на тувинский фольклор, отмечает, что название верхнего дымового отверстия юрты у тувинцев обозначается как «глаз», а боковые планки рамы – косяки двери «*эжик чаагы*» в прямом переводе означают «щеки двери».

У некоторых тюрко-монгольских народов на притолоке размещали медвежью лапу, ветки боярышника и т.д., над дверью вешали острием вниз топоры, ножи и др. К примеру, кыргызы у входа в юрту вешали обереги в виде колючих растений. Тувинцы для призвания благополучия и сытости над верхним косяком двери вешали бедренную кость овцы. Она являлась символом благополучия и сытости (Донгак 2012, 66), а наряду с костью в охранных целях по левую сторону от входа вешали ветку караганника и топор. «Караганник как кустарник с острыми колючками и особенно с красным стволом для тувинцев имел отпугивающее значение для потусторонних сил», а топор «имел устрашающее значение для невидимых врагов», отмечает С.Ч. Донгак (Донгак 2012, 66).

Подобное отмечается и у казахов. К примеру, у входа в юрту казахи вывешивали локтевую кость барана – *қари жилик*, которая, по народным поверьям, охраняла от различных бед, а иногда у входа устанавливали *найзу* – пику (оружие) как оберег благополучия семьи.

С.В. Романова отмечает одну особенность оформления входа в жилище, бытующую у тувинцев до сих пор: на одной из стационарных построек в пос. Адыр-Кежик (Тоджинский район) была зафиксирована детская игрушка – заяц фабричного производства, закрепленный над входом. «Известно, что в тюркской традиции

шкурка зайца являлась одним из оберегов жилого пространства» (Романова 2018, 58), – пишет ученый. Эти элементы своей защитно-обереговой функцией вносили особый этнический колорит в общий художественный образ двери и окружающего ее пространства.

О сакральном значении притолоки в тюрко-монгольской культуре говорит и другой обычай. Согласно Н. Жуковской (Жуковская 2019, 243), у некоторых монгольских народностей (в частности, боржигинов) входящий в юрту должен прикоснуться ладонью правой руки к притолоке, что понималось как знак его мирных и благих намерений. Из-за низко располагаемой притолоки юрты входящие в нее были вынуждены делать своеобразный поклон хозяевам, что является одной из этикетных норм. В этой связи интересный обычай зафиксирован у туркмен, у которых принято здороваться при входе в юрту, вне зависимости есть там люди или нет. «Туркмены-текинцы объясняли это тем, что в их юрте, как и у других тюркских народов, якобы живут духи предков, с которыми при входе нужно было поздороваться (Оразов, Чарыев 2000, 155). Регламентированные этикетные нормы при входе гостями в юрту соблюдались у тувинцев, казахов, кыргызов и других народов. Не допустимым считалось входить в жилище с оружием и плетью.

При всем многообразии вариантов художественного оформления дверей юрты, каждый экземпляр которой имеет исключительную индивидуальность, можно проследить их семантико-семиотическую общность в устойчивых деталях орнаментовки и цвета.

Так, на Рисунке 1 представлен типичный образец орнаментированной двухстворчатой двери казахской юрты, в которой орнамент играет защитно-магическую роль, символически предотвращающей вторжение в дом нечистой силы и призывающей добрых духов. Расположенные в самых доступных взгляду местах узоры отвлекали на себя дурной глаз, поглощая недобрую силу случайных гостей. Тем самым резьба на притолоке двери выполняла также функцию оберега.

Рисунок 1 – Дверь юрты. Западный Казахстан. 1950 г.
Частная коллекция С. Баширова. Фото Ж. Шайгозовой, 2021

На рассматриваемом образце (Рисунок 1) основным элементом орнаментального строя выступает рогообразный завиток – древнейший мотив искусства многих тюрко-монгольских народов, означающий благодать и достаток. К примеру, у казахов до сих пор бытует поверье: «...там, где лежат кости барана или его рога, не бывает злых духов, он является самым чистым животным, появившимся раньше человека. Он носит в себе жизненную силу, удачу, счастье» (Ибраев 1980, 40).

Наблюдается также устойчивая семантика цвета, в который окрашивалась или расписывалась дверь и ее конструктивные элементы. Иногда изнутри дверь, включая притолоку, покрывали красной краской, символизирующей жизнь, т.е. немеркнущий огонь – сакральный элемент тюрко-монгольского традиционного миропонимания. Многие тюркские народы окрашивали притолоку кровью жертвенного животного или концентратом из сакрализованных растений во избежание вторжения любой опасности.

В росписи притолоки присутствуют красный, зеленый, желтый и синие цвета, каждый из которых также несет в себе устойчивое символическое значение. О значении цвета в казах-

ской культуре А. Маргулан писал: «Синий цвет – символ неба, символ поклонения небу, красный – огня, солнца, белый – правды, радости, счастья, желтый – разума, черный – земли, зеленый – весны, молодости» (Маргулан 1986, 87). В свою очередь, сочетание красного, зеленого, желтого и синего в росписи двери казахской юрты можно «прочитать» как пожелание долгой жизни, молодости, бесконечных благ с небес.

Подобная символика цвета характеризует и колористическое оформление двери монгольской юрты. По мнению исследователей (Константы культуры России и Монголии... 2010), в ней сочетаются несколько цветов: голубой, желтый, красный. Как правило, в синий цвет выкрашивается внутренняя сторона двери и коробка. «Синий цвет, согласно монгольской теории пяти стихий, это цвет стихии «дерево» и семантически связан с востоком – той стороной, где восходит солнце. Синий цвет обладает положительными качествами, символизируя вечное небо, верность, чистоту как свойство пространства» (Константы культуры России и Монголии... 2010, 71). Желтый цвет, в свою очередь является символом земли. Сочетание этих цветов в деко-

ре двери монгольской юрты, несомненно, имело глубокое значение, т.е. «символизировало вечность, симпатию, радость» (Константы культуры России и Монголии... 2010, 71).

Богатой росписью украшались деревянные створки двери и у тувинцев. Об этом С.И. Вайнштейн пишет: лицевую часть каждой створки из цельной доски окрашивали в голубой, коричневый, красный цвет. Поверх ложилась орнаментальная полихромная роспись. Для ее центра выбирали крупный узор из роговидных фигур, узла и других мотивов, а по бокам шел бордюр, преимущественно из модификаций меандра (Вайнштейн 1973, 120).

По мнению С.Ч. Донгак, «синий, голубой ассоциируется с цветом неба, воды и олицетворял собой чистоту», а красный цвет имеет защитную функцию и обладает «отпугивающими свойствами. Так, шаманы для изгнания различного рода духов использовали красный караганник – кызылхараган» (Донгак 2004, 223).

Коричневый цвет у многих тюрко-монгольских народов полисемантичен: к примеру, у казахов раскрывается через такие понятия, как: *кoныр даус* – приятный, мягкий, бархатный голос. Особое предпочтение и тувинцев, и у казахов в колористическом оформлении двери (как и на других деревянных изделиях, покрытых росписью) отдается мягким и приглушенным полутонам, т.е. смягченным, разбавленным цветам, что отмечено у С.И. Вайнштейна (Вайнштейн 1973, 124).

Роговидные мотивы, присутствующие в оформлении дверей и других изделий декоративно-прикладного искусства тувинцев, казахов, кыргызов и других тюрко-монгольских народов, – одна из распространенных орнаментальных систем, характерная для искусства большого ареала Евразии и несущая идентичные смыслы: пожелания богатства, достатка и благополучия. В самом широком смысле декор двери можно трактовать как сохранность добра, изобилия, бесконечного благоденствия, счастья и т.п.

Не удивительно, что в декоре двери тувинской юрты присутствует изображение узла (*олчей удазын*) – символа счастья, а также меандра, которая, складываясь в одну бесконечную ленту, символизирует собой течение человеческой жизни.

Декоративной обработке дверей юрты и ее конструктивных элементов уделялось особое внимание. Как минимум, у казахов она украшалась плоскорельефной и контурной резьбой в сочетании с росписью. «Однако, в некоторых экземплярах резьбой – в том числе и трехгранно-выемчатой ямчатой – покрывались все поверхности двери изнутри (за исключением порога) и отчасти снаружи, что иногда сопровождалось росписью» (Ажигали 2011, 1240), пишет С. Ажигали.

Как известно, в изготовлении двери народные мастера использовали ценные породы дерева: липа, осина, дуб или сосна. Сам материал изготовления двери сакрален в тюрко-монгольской картине мира, что подчеркнуто в трудах многочисленных ученых (Елеманова, 2012; Тохтабаева, 2008 и другие).

Дверные полотна (одинаковые по размерам) в основной своей массе составлялись из досок березы, тополя или карагая (сосны), но нередко были также филиченчатыми. Например, на Рисунке 2 представлена дверь казахской юрты, изготовленная народным мастером в 1950 году. Этот экземпляр представляет собой традиционный тип двухстворчатой двери, который украшен балясинами, орнаментом и четырьмя зеркалами на двух створках с внешней стороны. В основу орнаментального украшения данного экземпляра положен рогообразный завиток – древнейший символ богатства и плодородия, S-образный знак – символ бесконечности, а также орнамент в виде пятиконечной звезды, что в большинстве случаев связывается с древнейшими пластами тюрко-монгольской культуры – поклонению солярным знакам.

В художественном оформлении двери (Рисунок 2) семантические смыслы орнаментов дополнены зеркалами. Известно, что зеркало является важной частью народных верований тюрко-монгольских народов и имеет мистическое значение, символизируя границу между Этим и Иным Мирами, и является своеобразным их порталом. Не случайно зеркала использовались и в декорировании казахского шаманского инструмента – кобыза, а бронзовое зеркало – *кюзюнгю* было одним из атрибутов тувинских шаманов и считалось сильным *эреном* (онгоном).

Рисунок 2 – Дверь юрты. Центральный Казахстан. 1950 г.
Частная коллекция С. Баширова. Фото Ж. Шайгозовой, 2021

Согласно В.Г. Котову, в башкирском фольклоре и этнографии присутствует ряд мотивов, отражающих культ зеркала (Котов 2019, 60). К примеру, в башкирском, осетинском и фольклоре других народов прочно закрепились представления о зеркале как средстве «перехода в иные миры».

Кроме того, зеркало в тюркско-монгольском фольклоре обладает рядом волшебных функций: помощник в победе, помощник, советчик и т.д. Думается, что использование зеркал в декорировании рассматриваемого образца (Рисунок 2) на внешней стороне двери еще раз подчеркивает основную функцию двери как границы между Мирами, а зеркало (четыре зеркальца) выступает как элемент, отражающий или поглощающий негативную энергетику.

Глубокий символизм содержится и в другом экземпляре двери казахской юрты из кол-

лекции Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), представленном на Рисунках 3 и 4. Этот уникальный образец двери богато декорирован костяными накладками, покрывающими все элементы двери. В старину казахи для изготовления такого декора (резьба) использовали кости домашних и диких животных. Подобное оформление имеет приятный желтый цвет, напоминающий янтарь. Сама кость (материал изготовления) семантически связана с идеями смерти и заключенной в ней вечной жизни.

В указанном образце главным мотивом украшения является древнейший орнамент – трилистник. В мифопоэтической картине древних кочевников трилистник ассоциируется с равновесием неба, земли и воды. В целом, подобное богатое оформление дверей говорит о ее высоком статусе в картине мира казахов.

Рисунок 3 – Дверь юрты. Казахстан. Начало XX в. Казахская коллекция РЭМ. Фото Ж. Шайгозовой, 2019.

Рисунок 4 – Деталь двери юрты. Казахстан. Начало XX в. Казахская коллекция РЭМ. Фото Ж. Шайгозовой, 2019

Такое же трепетное и бережное отношение к дверному проему в целом мы видим и в культурах других тюрко-монгольских народов. Например, туркмены украшали дверной проем богатой ковровой занавесью – *энгси* (Рисунок 5), что придавало ему особый торжественный вид. Немаловажное значение у туркменской ковровой занавеси – *энгси* имеет цвет и орнаментальная композиция. Известный исследователь туркменского ковра В.Г. Мошкова считает, что *энгси* относится к числу реликтовых ковров, «таящих в себе массу

неразгаданного. Достаточно указать, что в центре такого ковра помещен рисунок «след щенка». Здесь этот узор раскроется, вероятно, в свете той роли, которую играет у туркмен представление о собаке, как священном животном; наряду с этим, в «энгси» имеется узор «михраб», которому также придается значение оберега» (Мошкова 1946, 147). Думается, что изображение мотивов с собачьей символикой на *энгси* связано с представлениями туркмен о защитных функциях подобных символических изображений.

Рисунок 5 - Туркменская юрта. Павильон на ЭКСПО 2017, Нур-Султан. Фото Ж. Шайгозовой, 2017

Другим конструктивным элементом дверного проема юрты являются косяки, которые на казахском языке называются «*босага*». Они также богато орнаментировались узорами, несущими исключительно положительный символический смысл. Поскольку в представлении казахов дверные косяки и порог являются священным местом, именно здесь находятся богатство, благополучие. Всем действиям у входа-выхода приписывалась высокая степень семиотичности (Толеубаев 1991, 125).

Такую же высокую степень семиотичности косяка двери подчеркивает и туркменский обычай смазывания их маслом. Так, по сведениям А. Оразова и Д. Чарыева, у туркмен-эрсаринцев существовал обычай, согласно которому невеста

при входе в юрту отца жениха получала из рук свекрови кусочек масла, им она должна была обмазать косяк двери юрты, и таким образом поздравившись с новым жилищем, входила в юрту (Оразов, Чарыев 2000, 157). Здесь использование масла, вероятнее всего, связано с ритуалом поклонения древнетюркской богине Умай – покровительнице дома, семьи, младенцев, роженицы.

В казахской культуре существуют ряд табу, связанных с дверным косяком: нельзя прислоняться к косякам двери («*босагага суйенбе*») или стоять у входа («*босагада турма*»). Значение *босага* как «несущего» элемента конструкции двери подчеркивается таким казахским благопожеланием, как «шанырақ биік, босага берік болсын!»,

что в смысловом переводе означает пожелания высокого шанырака и крепкого остова.

В подтверждение нашей гипотезы об отношении дверного полотна и косяка к Срединному миру говорят правила установки двери юрты. Так, вход юрты у многих тюркских народов был преимущественно ориентирован на южную и восточную стороны. Здесь, безусловно, прослеживается связь с двумя древнейшими культурами: Восходящего (восток) и Полуденного (юг) Солнца, о котором отмечает В.В. Бартольд (Бартольд, 1966).

Аналогичные сведения мы встречаем и у А.Н. Кононова (Кононов, 1974), который на основе анализа обширных лингвистических материалов установил, что у тюрко-монгольских народов существовало четыре способа обозначения сторон света. Это ориентация на восток, связанная с культом Востока; на юг – связанная с культом Юга; на полуденную сторону небосклона, связанную с Полярной звездой (преимущественно северные народы), а также «по вертикали: верх-низ, связано с восходящим и заходящим солнцем, т. е. представляет собой разновидность первого способа – ориентацию на восходящее солнце или на полуденное солнце» (Кононов 1974, 89).

Таким образом, возведение юрты с установлением двери на южной или восточной сторонах основано на одной из древнейших систем ориентации на местности – солярной, целиком связанной с положением солнца на небосклоне. Подобная структурированность вносит в семантику двери отсылки к солнцу, теплу, космическому «верху». При этом, ориентация на юг, как реальное проявление культа Юга, у тюркских народов, принявших ислам (VIII - IX вв.), была подкреплена традиционной мусульманской ориентацией на киблу (Кононов 1974, 89).

Также следует отметить, что ориентация входа в жилище согласно сторонам света было далеко не единственным условием. К примеру, по сведениям С.Ч. Донгак (Донгак, 2012), тувинцы перед установкой юрты избегали направления двери, обращенной на расщелину, куда, по их представлениям, могло уйти благополучие семьи. При этом дверь юрты обязательно устанавливалась у некоторых групп тувинцев на восточную, а у других – на южную сторону. «В других местах перед дверным проемом должен был быть объект – холм или дерево, т. е. то, что «удерживало» бы богатство и благополучие семьи», – пишет С.Ч. Донгак (Донгак 2012, 63).

Таким образом, с одной стороны, дверь юрты семантически проецировала космологическую картину мира кочевников, а с другой – поддерживала обрядово-ритуальную функциональность сакрально означенной предметности, сопровождаемой орнаментикой, декором, что зримо проявляется в вывешивании предметов фетиша, декорировании зеркалами (Рисунок 2) у казахов и другими значимыми символами – кость, караганник, топор или заяц у тувинцев.

Пожалуй, наименее бедно оформленным (или практически не оформленным) в художественно-пластическом плане является такая конструктивная деталь двери юрты как порог, что не умаляло его значимости в сакральном пространстве жилища. Единственным этнографическим свидетельством оформления порога встречается у туркмен. Речь идет об обычае «прибивать к порогу конскую подкову, обладающую магической силой» (Оразов, Чарыев 2000, 157).

К сожалению, обследование музейных коллекций, представленных образцами XIX – начала XX веков, не выявили каких-либо элементов оформления порога юрты. В основном пороги представляли собой тщательно обработанные и покрашенные в темные цвета (или в тон основного цвета двери) бруски цельной древесины.

В целом, порог осмысливается как символическая граница между домом и внешним миром, непроходимое препятствие для нечистой силы, это символическое пограничье имело направленность к Нижнему миру. Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище.

В обрядовой практике защитно-селективная роль порога очень активна, что можно проследить на различных примерах тюрко-монгольской культуры, что более отчетливо прослеживается в свадебной, родильной и похоронной обрядности, а также можно наблюдать в структуре других обрядов и ритуалов. Например, у тувинцев сакральное отношение к порогу началось с того, что через него можно было только переступить и ни в коем случае не спотыкаться и тем более садиться на него, что нередко делали малолетние дети, которых тут же сгоняли с порицанием (Донгак 2012, 66). У тувинцев гость, будучи приглашенный в жилище, не должен был наступать на порог (*эгин*). Случись такое – хозяин был бы глубоко оскорблен, так как считалось, что под порогом живет добрый дух – покровитель семьи (Вайнштейн 1991, 80).

Порог как проекция Нижнего мира символически связывает его с царством мертвых, духом предков. В древности у казахов «в случае смерти мужчины вдова, по существовавшему обычаю, становилась женой его родственника, и, если она не желала выходить замуж, ей предлагали сочетаться браком с порогом. Это означало, что вдова остается в супружестве с духом умершего мужа» (Толеубаев 2000, 175).

Также у некоторых казахских племен покойника перед выносом три раза поднимали и опускали у порога, а когда «черный» гонец сообщал плохую весть, наступал правой ногой на порог и руками подпирал косяк двери. Этот обычай, известный со времен Тюркского каганата, дошел до казахов начала XX в. (Толеубаев 1991, 159).

Трехразовое прикосновение тела покойника к порогу практиковалось и у туркмен, что можно трактовать, как обряд прощания усопшего со своим порогом, также может свидетельствовать о реликтах некогда повсеместно бытовавшего в тюрко-монгольской среде культа порога. Об этом говорит и Х. Есбергенов: к культу предков уходят древние религиозные верования и обряды, связанные с порогом юрты. Культ порога юрты прослеживается в погребально-поминальных ритуалах, в свадебной церемонии, а также в процедурах, связанных с рождением и воспитанием детей (Есбергенов 2000, 181). Отношение к Нижнему миру пространства у порога двери юрты встречается и у тувинцев, которые считали данное место «нижней» частью юрты и называли *эжик аксы* (устье двери) (Потапов 1969, 158). Здесь сидели слуги и работники.

Немаловажное значение играет порог в свадебной обрядности. У казахов при первом входе в юрту свекра или в «отау» (юрта молодоженов) невеста должна была у порога совершить три поклона, прислониться головой к косякам двери, переступить порог правой ногой. Эти поклоны предназначались духам-предков, свекру и свекрови, а также в определенной степени являлись частью женской инициации (превращение из девушки в женщину). Таким образом, порог – одно из специальных мест для «прохождения обряда женской инициации» (Райкова 2016, 69).

У каракалпаков «невеста, впервые вступающая в дом будущего мужа, и женщина после рождения каждого ребенка должны были поклониться порогу и прикоснуться лбом к нему, а затем переступить через него правой ногой (Есбергенов 2000, 181). В этих «манипуляциях» женщин с порогом усматривается прошение-

мольба о принятии духов-предков супруга ее и детей в качестве новых членов семьи.

Значительную роль порог играет в родильной обрядности. Так, в случае частой гибели детей при последующих родах пуповину резали на пороге. Туркмены и каракалпаки «послед ребенка, а иногда и выкидыш в начальной стадии беременности закапывали под порогом юрты с внутренней стороны» (Оразов, Чарыев 2000, 157). Аналогичные действия практиковали и другие тюрко-монгольские народы. Во всех отмеченных функциональных свойствах порога в обрядово-ритуальных ситуациях говорится о наделении его символикой инициационного типа.

Заключение

Рассмотрение двери юрты и ее конструктивных элементов показало, что их особый семиотический статус в различных этнических вариациях, выраженных в материально-пластической форме, наделен смыслом соответствующего обрядово-ритуального контекста, в системе которого он выступает как структурный элемент.

В процессе настоящего исследования гипотеза о семиотическом соответствии конструктивных элементов двери трем уровням тенгрианской картины Мироздания: притолока – Верхнему миру, сама дверь и косяки – Срединному, порог – Нижнему, нашла подтверждение.

Можно констатировать, что каждый символически означенный уровень двери юрты, в свою очередь, является частью обрядово-ритуальной системы, наделенной определенными смысловыми функциями. Каждому уровню символически означенной трехчастной структуры двери соответствует и определенное материально-пластическое (художественно-эстетическое) оформление.

Еще одной особенностью, подмеченной авторами, является сама структура ритуала, характерность которой заключается в ее изоморфности и симметричности. Как известно, структура ритуала трехчастна. Первая часть – вступление в контакт обитателей материального с обитателями нематериального мира. С этой структурой ритуала сопряжена и трехчастная структура двери юрты, что демонстрируется особым отношением к притолоке как символу Верхнего мира, сопровождаемым следующими действиями – поклон, приветствие, украшение фетишами и т.д.

Сердцевина ритуала – обмен ценностями или информацией между сторонами. Этот обмен имеет целью гармонизацию отношений, что символически связано со Срединным миром. На примере двери юрты мы находим эту «срединность» в смазывании маслом косяков, любовное украшение росписью, резьбой и т.д.

Третьему компоненту ритуала – выходу из контакта, завершение ритуала, соответствует в

основном порог двери, символизирующий Нижний мир.

Попытка целостного осмысления двери юрты как символическо-семиотической системы продемонстрировала существование как сходств, так различий ее элементов в типологически родственных традициях культурного кода кочевых тюрко-монгольских народов.

Литература

- Алымбаева Б. Юрта киргизов в прошлом и настоящем // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Г.П. Васильева. – М.: Наука, 2000. – 206 с.
- Ажигали С. Технология казахской юрты // European researcher. № 9 (12). – 2011. – С. 1237–1241.
- Байбурин А.К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 192 с.
- Байыр-олл М.С. Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. – № 2. 2013. – С. 67-79.
- Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2004. – 376 с.
- Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов: Сочинения / отв. ред. М.Е. Массон. Т. IV. – М.: Наука. 1966. – 495 с.
- Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1973. – 222 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Донгак С.Ч. Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки ТИГИ. Выпуск XX. Кызыл. 2004. – С. 213 - 227.
- Донгак С.Ч. Некоторые представления тувинцев, связанные с юртой // Научное обозрение Саяно Алтая. – № 1. – 2012. – С. 63-67.
- Есбергенов Х. Обряды и верования каракалпаков, относящиеся к юрте // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Г.П. Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 179 -189.
- Елеманова С.А. Наследие тюркской культуры (исторический обзор казахской музыки). – Астана: Кантана-пресс, 2012. – 456 с.
- Ибраев Б.А. Космогонические представления наших предков // Декоративное искусство СССР. – 1980. № 8. – С. 40 - 45.
- Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории / отв. ред. М.Ю. Шишин, Е.В. Макарова. – Барнаул: ОАО Алтайский дом печати, 2010. – 313 с.
- Котов В.Н. Некоторые параллели в этнографии и фольклоре башкир к ритуальной практике сармат, связанных с зеркалом // Уфимский археологический вестник. – № 2. 2019. – С. 51 - 68. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.005>
- Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1974. – С. 72-89.
- Личность в калейдоскопе культур: коллективная монография / под общ. ред. Н.Л. Жуковской. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 416 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996.- 464 с.
- Маргулан А.Х. Казахское народное творчество. Т. I. – Алма-Ата: Онер, 1986. – 191 с.
- Мошкова В.Г. Племенные «голи» в туркменских коврах // Советская этнография. – № 1. 1946. – С. 144-162.
- Оразов А., Чарыев Д. Некоторые верования туркмен, связанные с юртой (XIX – начало XX века) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Г.П. Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 154 -165.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969. – 399 с.
- Райкова О. А. Пространство женской инициации и опыт сакрального (на материале первобытных обществ) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). – 2016. Вып. 4 (10). – С. 66-81.
- Романова С.В. Тувинское традиционное жилище в современности // Вещь в трансляции этничности: материалы семнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2018. – С. 56-62.
- Содномпилова М.М. Семантика двери и околodверного пространства традиционного жилища монголоязычных народов – юрты // Этническая культура: история и современность / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. – С. 107–124.
- Толлеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). –Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 214 с.
- Толлеубаев А. Юрта в представлениях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Г.П. Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 165 – 179.
- Тохтабаева Ш.Ж. Шедевры Великой степи. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 240 с.
- Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры: труды по знаковым системам. Т. X. / отв. ред. А. Мальц. – Тарту: ТГУ, 1978. – С. 65-85.
- Шаханова Н.Ж. Мир традиционной культуры казахов: этнографические очерки. – Алматы: Казахстан, 1998. – 184 с.

Шаханова Н.Ж. Символика традиционной культуры казахов: учебное пособие. – Алматы: Казак университеты, 2004. – 232 с.
 Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.

References

- Alimbaeva B. Yurta kirgizov v proshlom i nastoyash'em [A Kyrgyz yurt in the past and present] // Kochevoe zhilish'e narodov Srednei Azii i Kazahstana / otv. redactor G.P. Vasileva. M.: Nauka, 2000. - 206 p. [in Russian]
- Azhigali S. Tehnologiya kazahskoi yurty [Technology of the Kazakh yurt] // European researcher. № 9 (12). – 2011. - P. 1237–1241. [in Russian]
- Baiburin A.K. Zhilish'a v obryadah i predstavleniyah vostochnih slavyan. [Dwellings in the rites and beliefs of the East Slavs] L.: Nauka, 1983. - 192 p. [in Russian]
- Baiir-oll M.S. Yurta v tuvinskoj tradicijnoj kulture [The yurt in Tuvan traditional culture] // Novie issledovaniya Tuvi. № 2. 2013. P. 67-79. [in Russian]
- Bashlyar G. Izbrannoe: Poetika prostranstva [Selected: Poetics of Space]/ perevod s franc., M.: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya. 2004. 376 p. [in Russian]
- Bartold V.V. K voprosu o pogrebalnih obryadah turkov i mongolov [On the funeral rites of the Turks and Mongols] // Sochineniya /otv.red. M.E. Masson. T. IV. M.: Nauka. 1966. 495 p. [in Russian]
- Vainshtein S.I. Istoriya narodnogo iskusstva Tuvi [History of folk art in Tuva]. M.: Nauka. 1973. 222 p. [in Russian]
- Dongak S.Ch. Cvet i ego simbolika v tuvinskoj kochevoj kulture [Colour and its symbolism in Tuviniian nomadic culture]// Uchenie zapiski TIGI. Vipusk XX. Kizil. 2004. - P. 213 - 227. [in Russian]
- Dongak S.Ch. Nekotorie predstavleniya tuvincev, svyazannie s yurtoj [Some notions of Tuviniians, connected with a yurt]// Nauchnoe obozrenie Sayano Altaya. № 1. - 2012. - P. 63-67. [in Russian]
- Esbergenov H. Obryady i verovaniya karakalpakov, odnosyash'iesya k yurte [Rites and beliefs of Karakalpaks related to the yurt] // Kochevoe zhilish'e narodov Srednei Azii i Kazahstana / otv. red. G.P. Vasileva. M.: Nauka. 2000.- P. 179 -189. [in Russian]
- Elemanova S.A. Nasledie tyurkskoj kultury (istoricheskii obzor kazahskoi muziki) [Heritage of the Turkic Culture (Historical Review of the Kazakh Music)]. Astana: Kantana-press. 2012. 456 p. [in Russian]
- Ibraev B.A. Kosmogonicheskie predstavleniya nashih predkov [Cosmogonic notions of our ancestors]// Dekorativnoe iskusstvo SSSR. 1980. № 8. P. 40 - 45. [in Russian]
- Konstanti kultury Rossii i Mongolii: ocherki istorii i teorii [Constants of Culture of Russia and Mongolia: Essays on History and Theory]/ otv. red. M.Y. Shishin, E.V. Makarova. Barnaul: OAO Altaiskii dom pečati. 2010. 313 p. [in Russian]
- Kotov V.N. Nekotorie paralleli v etnografii i folklore bashkir k ritualnoj praktike sarmat, svyazannih s zerkalom [Some parallels in ethnography and folklore of the Bashkirs to the ritual practice of the Sarmatians associated with the mirror] // Ufimskii arheologicheskii vestnik. № 2. 2019. P. 51 - 68. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.005> [in Russian]
- Kononov A.N. Sposobi i termini opredeleniya stran sveta u tyurkskih narodov [Ways and terms of definition of the countries of the world among the Turkic peoples]// Tyurkologicheskii sbornik. M.: Nauka. 1974. P.72-89. [in Russian]
- Lichnost v kaleidoskope kultur: kollektivnaya monografiya [Personality in a Kaleidoscope of Cultures: A collective monograph] pod obsh'. red. N.L. Zhukovskoi. SPb.: Nestor-Istoriya. 2019. 416 p. [in Russian]
- Lotman Yu. M. Vnutri mislyash'ih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside Thinking Worlds. Man - text - semiosphere - history.] M.: Yaziki russkoj kultury. 1996.- 464 p. [in Russian]
- Margulan A.H. Kazahskoe narodnoe tvorchestvo [Kazakh national creativity]. T. I. Alma-Ata: Oner. 1986. 191 p. [in Russian]
- Moshkova V.G. Plemennie «goli» v turkmenskikh kovrah [Tribal "gols" in Turkmen carpets] // Sovetskaya etnografiya. № 1. 1946. P 144-162. [in Russian]
- Orazov A., Chariev D. Nekotorie verovaniya turkmen, svyazannie s yurtoj (XIX – nachalo XX veka) [Some Turkmen beliefs associated with the yurt (XIX - early XX century)] // Kochevoe zhilish'e narodov Srednei Azii i Kazahstana / otv. red. G.P. Vasileva. M.: Nauka. 2000. P. 154 -165. [in Russian]
- Potapov L.P. Ocherki narodnogo bita tuvincev [Essays on national way of life of Tuviniians] M.: Nauka. 1969. 399 p. [in Russian]
- Romanova S.V. Tuvinskoe tradicijnoe zhilish'e v sovremennosti [Tuviniian traditional dwelling in modernity]// Vesh' v translyacii etnichnosti: materialy semnadcatih Mezhdunarodnih Sankt-Peterburgskih etnograficheskikh chtenii. SPb.: IPC SPGUTD. 2018. P. 56-62. [in Russian]
- Sodnompilova M.M. Semantika dveri i okolodvernogo prostranstva tradicijnogo zhilish'a mongoloyazichnih narodov – yurty [The Semantics of the Door and the Door-Space of the Traditional Dwelling of Mongolian-speaking Peoples – Yurta] // Etnicheskaya kultura: istoriya i sovremennost' / otv.red. T.D. Skrinnikova. Ulan-Ude: IPK VSGAKI. 2002. - P. 107–124. [in Russian]
- Toleubaev A.T. Relikti doislamskih verovaniij v semeinoj obryadnosti kazahov (XIX - nach. XX v.) [Relics of pre-Islamic beliefs in family rites of the Kazakhs (XIX - the beginning of XX century)]. Alma-Ata: Gilim. 1991.- 214 p. [in Russian]
- Toleubaev A. Yurta v predstavleniyah i obryadah kazahov [Yurt in views and rites of the Kazakhs] // Kochevoe zhilish'e narodov Srednei Azii i Kazahstana / otv. red. G.P. Vasileva. M.: Nauka. 2000. - P. 165 – 179. [in Russian]
- Tohtabaeva Sh.Zh. Shedevri Velikoi stepi [Masterpieces of the Great Steppe] Almati: Daik-Press. 2008. 240 p. [in Russian]
- Civyan T.V. Dom v folklornoj modeli mira (na materiale balkanskih zagadok) [The house in folklore model of the world (on the material of Balkan riddles)]// Semiotika kultury: trudi po znakovim sistemam. T. H. / otv. red. A. Malc. Tartu: TGU. 1978.- P. 65-85. [in Russian]
- Shahanova N.Zh. Mir tradicijnoj kultury kazahov: etnograficheskie ocherki [The world of traditional culture of the Kazakhs: ethnographic sketches]. Almati: Kazahstan. 1998.- 184 p. [in Russian]
- Shahanova N.Zh. Simvolika tradicijnoj kultury kazahov: uchebnoe posobie [Symbolism of traditional culture of the Kazakhs: a training manual]. Almati: Kazak universiteti. 2004. 232 p. [in Russian]
- Eliade M. Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrash'eni. Obrazi i simvoli. Svyash'ennoe i mirskoe [Selected Essays: Myth of Eternal Return. Images and Symbols. Sacred and Secular]. M.: Ladomir. 2000. 414 p. [in Russian]